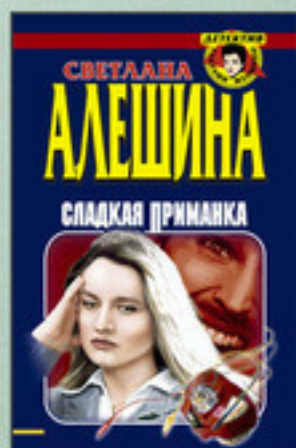

Светлана Алешина

Из огня да в полымя

Часть сборника
Сладкая приманка (сборник)

Светлана Алешина

Из огня да в полымя

«Научная книга»

1999

Алешина С.

Из огня да в полымя / С. Алешина — «Научная книга», 1999

«...На мгновение показывалась, например, отдельно стоящая дымящаяся сосна и тут же пропадала из поля зрения... Изредка встречались островки зелени, по краям окаймленные поблескивающим сквозь дым пламенем... какая-то извилистая лента, чуть более светлая по окраске, тянулась сквозь черное пространство на земле, делая плавные повороты то в одну, то в другую сторону. Я не сразу догадалась, что это лесная река, по берегам которой сгорели только верхушки деревьев, а нижняя часть кроны, расположенная близко к воде, осталась зеленой, только сильно подсохла, словно глубокой осенью. Несколько черных прямоугольников, беспорядочно разбросанных на берегу этой обгоревшей лесной реки, не могли быть не чем иным, как небольшой деревушкой, выгоревшей дотла, сквозь дым можно было различить поблескивающий огонь на догорающих бревнах. Под нами был мертвый лес...»

© Алешина С., 1999

© Научная книга, 1999

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Светлана Алешина

Из огня да в полымя

Глава первая

Звонок командира нашей группы подполковника МЧС Григория Абрамовича Воротникова поднял меня в пять утра. Он мне домой звонил крайне редко и каждый раз этим удивлял, поскольку для вызова у нас существовал диспетчер. Телефонный звонок командира в такую рань – это настолько необычно, что я даже не спросила, зачем я ему понадобилась.

До начала дежурства в управлении МЧС оставалось еще три часа. Я могла бы поспать в свое удовольствие еще больше двух часов. Путем ежедневных экспериментов у меня был выработан следующий утренний хронометраж: окончательно проснуться – десять минут, принять решение, что пора вставать, – восемь минут, встать – две минуты, привести себя в порядок, то есть фактически собраться на работу, – восемь минут, позавтракать – две минуты. В случае необходимости время завтрака автоматически перераспределялось в пользу предыдущего раздела, и процесс этот приходилось совмещать с одеванием или накрашиванием. Двадцать минут на дорогу – оптимальное время, за которое можно добраться от моего дома до управления. И в отличие от нашего штатного аналитика Игорька я никогда не опаздываю.

Мы с Игорем в нашей группе младшие и по возрасту, и по званию, поэтому в шутку называем себя младшими капитанами. Майор МЧС Александр Васильевич Маслюков, по прозвищу Кавээн, уже лет десять отслуживший в оперативниках-спасателях, называет нас новобранцами. Я не обижаюсь, хотя работаю в составе группы уже примерно полгода, а вообще с системой МЧС связана лет пять, столько же, сколько Игорек работает вместе с Кавээном. На Кавээна грех обижаться: он добрый, стесняется, даже, по-моему, боится женщин, и прячет свое смущение под внешней грубостью и снисходительностью к людям, которых любит.

Григорий Абрамович в группе самый старый и опытный, он участвовал в создании самой системы МЧС как силовой структуры. Мы прозвали его Грэгом за полное сходство имени с Грегори Авраамом Симпсоном, тройным американо-афгано-пакистанским агентом, с которым мне пришлось столкнуться во время первого задания, которое забросило меня в горный массив Гиндукуш. Командир он классный – спокойный, рассудительный и осторожный, никогда не горячится, всегда советуется с нами и учитывает наше мнение, никогда не бросает слов на ветер и никогда, даже в экстремальных ситуациях, не предпринимает необдуманных действий.

Поэтому его столь ранний звонок должен был иметь очень серьезный повод. Я пока шла к городскому парку культуры и отдыха имени Короленко, где он назначил мне встречу, просто терялась в догадках.

Все лето в Тарасове стояла дикая жара, и даже сейчас, в середине сентября, так же жарко, как и в начале августа. Утро – единственное время, когда можно спокойно пройти по тарасовским улицам, не опасаясь заработать солнечные ожоги или тепловой удар. Но не в этом же причина столь раннего вызова на личную аудиенцию! Да еще не в управлении, а в неслужебной обстановке. Значит, мне предстоит услышать нечто, предназначенное для меня лично. Нет-нет, не может быть и речи о попытке с его стороны установить какие-то интимные отношения со мной! Это исключено! Григорий Абрамович вовсе не престарелый ловелас, он уважает и себя, и женщин, а самое главное, преданно любит свою Людмилу Трофимовну. О ней мне известно только то, что она отлично печет пироги, которыми Григорий Абрамович время от времени нас угощает.

Нет, поводом для этой встречи со мной могли быть только наши профессиональные дела. Только вот почему же встречаемся мы столь секретно? Можно даже сказать – романтически?

Я увидела его издалека. Григорий Абрамович стоял на мостике над протокой между двумя прудами и внимательно смотрел на почти неподвижный диск солнца, отражающийся на спокойной воде пруда. Парк еще отдыхал от людской суеты. Для уединенного разговора трудно выбрать место лучше, чем парк ранним утром, – деловитые школьницы и неторопливые школьники еще не движутся через него привычным маршрутом в две соседствующие с парком школы, торопящиеся на работу взрослые, погруженные в собственные проблемы, не сталкиваются с тобой и друг с другом, ворчливые, но, по сути, безобидные пенсионеры еще не оккупировали со своими внуками и внучками лавочки, детскую площадку, декоративную избушку на курьих ножках и городок аттракционов. По аллеям можно ходить, не опасаясь быть сбитой неизвестно откуда выскочившим подростком-велосипедистом, предоставившим полную свободу рулю в выборе направления... Кругом тихо и спокойно. И такой же, как это утро, тихий и спокойный Григорий Абрамович стоит над водой и внимательно в нее вглядывается.

Он услышал, как я подошла, но не повернулся и не поздоровался. Только вздохнул и сказал:

– Знаешь, Ольга, какое я открытие сейчас сделал?

– Знаю, – ответила я.

Григорий Абрамович посмотрел на меня растерянно и как-то удивленно. Он явно рассчитывал на прямо противоположный ответ.

– Чем дольше смотришь на воду, подумали вы перед моим приходом, – сказала я, – тем сильнее хочется туда нырнуть...

Он улыбнулся.

– Постоянно забываю, что ты психолог по профессии, – сказал Григорий Абрамович. – Почти так я и подумал, когда твои шаги услышал.

– Я это знаю, – ответила я. – Людям так часто приходят в голову одинаковые мысли, когда они подолгу смотрят на воду...

– Наверное, не только на воду... – туманно произнес Григорий Абрамович. – Нас с Костей Чугунковым тоже одна и та же мысль посетила, хотя смотрели мы в твое личное дело...

«Что такое? – забеспокоилась я. – Личное дело мое Чугунков изучал? Зачем это мною наша ведомственная контрразведка интересуется?..»

Но я не успела даже предположить ничего, как вдруг до меня дошло, что Грэг просто дурачил меня сейчас, разыгрывая простачка, который не слышал ничего ни о коллективном бессознательном, ни об архетипических символах, из которых «погружение в воду» – самый распространенный и наиболее легкий для восприятия, а потому и наиболее известный... Погружение в воду символизирует погружение в глубину собственного бессознательного, в царство безграничной, неконтролируемой свободы, одновременно манящей и пугающей... Хорош Грэг! Я чуть было объяснять все это ему не принялась, дуручка... Да, но мое личное дело! Зачем оно понадобилось контрразведке?..

Я немного разозлилась на Григория Абрамовича и попыталась даже слегка похамить.

– Мне кажутся странными ваши, Григорий Абрамович, тесные контакты с руководителем полулегального подразделения, непонятно зачем введенного недавно в наших структурах... Или вы в традициях своего тезки – и нашим, и вашим? Лучше тогда признайтесь честно, что вы агент Чугункова.

Любой реакции со стороны Григория Абрамовича я ожидала, но только не той, какая последовала. Он рассмеялся и сказал:

– А все же не зря мы тебя с Чугунковым выбрали, – сказал он. – Ты вынуждаешь меня признаться – да, я работаю в контрразведке. Давно работаю, а с Чугунковым мы вообще тысячу лет дружим. Я не агент Чугункова. Слово-то какое-то оскорбительное подобрала – агент! Агенты – это у ФСБ. Я – подполковник МЧС и служу там, где считаю для себя возможным.

Он тронул меня за плечо и кивнул на лавочку у самой воды:

– Пойдем присядем на бережку и поговорим откровенно.

Как ни была я растерянна от его признания, я не могла не восхититься тем, как Григорий Абрамович легко переиграл меня в диалоге. Мне-то показалось, что я с первой фразы перехватила инициативу и теперь буду управлять разговором. А Григорий Абрамович спокойно дал мне заглотив легкую наживку, а потом хладнокровно начал выстраивать нужный ему план разговора.

«Эх ты, психолог! – сказала я самой себе, и в памяти неожиданно всплыла полузабытая строчка – «Учились бы, на старших глядя».

– Ты знаешь, какой из законов Кодекса спасателей появился первым? – спросил меня Григорий Абрамович. – Конечно, не знаешь. Об этом помнят теперь человек пять во всей нашей структуре – Чугунков, сам министр, Коля Питерский – это который Ленинградским управлением руководит, потом главбух министерский Леночка Крупнова, ну и я, конечно, тоже помню...

Я заметила, что, называя министерского главного бухгалтера Елену Вениаминовну Крупнову Леночкой, Григорий Абрамович слегка смутился, и поняла, что под внешним спокойствием и невозмутимостью нашего Грэга кроются бурные страсти в прошлом, которые до конца не улеглись и по сей день... Впрочем, у меня самой-то все улеглось после моего расставания с Сергеем?..

– Больше-то, наверное, никого не осталось из тех, кто службу спасения организовывал, из первых спасателей... Хороших ребят много было, но ведь каждый лез в самое пекло... Это после их смертей рождались новые законы нашего кодекса. Они не из головы придуманы, за каждой строчкой несколько жизней стоят...

Он вздохнул.

– Так вот, первым был не закон даже, а главный принцип нашей организации: «Беда главнее командира» или в другом варианте – «Служу не родине и не присяге, а человеку в беде». Когда вопрос встал об организационном принципе построения нашей структуры, я был категорически против единоначалия и централизма... Я должен быть самостоятельным, не ждать приказов и распоряжений, а сам принимать решения. Кому, как не мне, прямо на месте происшествия, лучше знать ситуацию и понимать, что необходимо сделать? Нами руководило горячее желание не быть похожими на уже существующие структуры – с их жесткой иерархией, с их душевной тупостью, культом приказа и представлением о людях, как о неодушевленной, нечувствительной материи. И нам удалось создать такую организацию.

Григорий Абрамович внимательно посмотрел мне в глаза и, наверное, уловил в них легкое сомнение. Сомнение действительно было. МЧС во многом, конечно, отличается от армии, ФСБ, службы охраны президента, но и у нас приказы не обсуждаются. Не выполнишь приказ, жди следующего – о твоём увольнении.

– И не нужно мне говорить, что у нас с головами не в порядке, если мы хотели получить то, что имеем сейчас! Структуры растут и развиваются совсем как дети. И вырастают, так же как дети, – неожиданно. Смотришь на них и не узнаешь – неужели этот верзила лежал когда-то в колыбельке, которую ты смастерил своими руками? И с горечью убеждаешься – да, тот самый. Мы поздно поняли, что из нашего малыша вырос очередной верзила, который со временем грозит превратиться в монстра. Тогда и понадобилась служба внутренней безопасности, или контрразведка, как ты ее называешь. Конечно, у нее есть и специфические цели – например, противостоять проискам ФСБ, открыто, можно сказать, мечтающей нас развалить и распустить или подчинить себе... Но главное – сохранить дух, которым питались первые, которым жили мы, когда были моложе тебя.

Григорий Абрамович усмехнулся, наверное, хотел скрыть смущение от попытки патетики в только что произнесенном им монологе.

Я молчала, пребывая все же в некотором недоумении: смысл столь раннего свидания с командиром оставался скрытым от меня. Не мог же он вызвать меня, чтобы поделиться со мной своими ностальгически-сентиментальными воспоминаниями о первых годах МЧС? Что-то не похоже на нашего в общем-то рационального Грэга... Я ждала чего-то большего, чем то, что он уже успел мне сказать. И, как выяснилось, была права. Уже со следующей своей фразы Григорий Абрамович перешел гораздо ближе к делу.

– Я знаю, что всех вас удивило, – сказал он, – сколь благосклонно отнеслось министерство к нашим похождениям в Булгакове, когда наша группа фактически провела расследование причин столкновения теплохода с железнодорожным мостом. Я не мог тогда объяснить вам, что это фактически и было наше задание... Так уж мы, старики, решили сообща. Проверить вас хотели. И проверили. Убедились. А после этого дали уже самостоятельное задание – найти маньяка-террориста раньше, чем это сделает ФСБ. Группа и с этим заданием справилась. Не скажу, что отлично, но ваша работа оценена положительно.

Я удивленно посмотрела на Григория Абрамовича.

– Почему вы сказали «ваша работа»? Вы же командир группы!

– Потому, что я согласно нашей договоренности с Чугунковым, который курировал это задание, самоустранился... Вспомни, много ли я вам помогал? Направлял вас только туда, куда сразу устремились бы уголовка с прокуратурой. То есть подсказывал только то, что лежит на поверхности. Иногда это было настолько откровенно, что я удивлялся, как это вы меня не пошлете ко всем чертям. Искать пересечения между пациентами районной поликлиники и учениками и коллегами профессора, который в университете работает тридцать лет! Да на это задание месяц уйдет, не меньше, при наших-то возможностях. Я ждал от вас самостоятельно-сти и только страховал в критических ситуациях, когда в дело вмешалась ФСБ и твоя жизнь оказалась под угрозой... Но это нельзя ставить группе в минус – вы же не обладали информацией ни о намерениях, ни о возможностях, ни о методах работы ФСБ. И тем не менее почти все ситуации разрешали практически самостоятельно.

Григорий Абрамович улыбнулся и сказал:

– В общем, группа сдала экзамен, поздравляю!

Мне, однако, далеко не все было ясно, и в первую очередь – почему именно мне первой Григорий Абрамович об этом сообщает...

– Я все же не поняла, – сказала я, – почему сейчас рядом со мной нет Игоря и Александра Васильевича? Они тоже члены группы и сделали не меньше моего... А когда террориста брали, Кавээн мне просто жизнь спас. Почему вы мне сообщаете обо всем этом столь конфиденциально, почему только мне?

– Просто я не хочу на глазах у них с тобой секретничать, – пояснил Григорий Абрамович. – Это тебе же может помешать работать с ними нормально. А секретничать придется в любом случае.

Вид у меня был столь недоумевающий, что Григорий Абрамович снова улыбнулся.

– Ладно, раскрываю карты, и так я слишком долго вожу тебя за нос... С сегодняшнего дня наша группа переходит в ведомство Чугункова. Да-да, – покивал он головой, глядя на мое растерянное лицо, – мы становимся контрразведчиками, согласно приказу министра, подписанному вчера. Это первое. Второе – сегодня приступаем к выполнению нового задания. Дело важное, в чем суть – доложу группе в полном составе, тебе же сообщу только то, что касается тебя непосредственно. Я, судя по всему, последний раз работаю с вами... Ребята убедили меня, что хватит отсиживаться на периферии, когда в центре слишком мало людей, которым можно доверять и на которых можно положиться... Я практически уже дал согласие министру возглавить новую внутриведомственную структуру, приказ об учреждении которой будет подписан буквально через пару дней. Что-то вроде информационно-аналитического отдела, главной задачей которого будет сбор и, что не менее важно, распространение информации по инте-

ресующим нас вопросам. Помнишь то дикое интервью с тобой, которое опубликовала газета «Мир катастроф», когда мы работали в Булгакове? Как удалось установить, появилось оно не без помощи ФСБ, которая контролирует главного редактора этой нашей ведомственной газеты. Проблемы такого рода мне и придется решать. Чугунков с Леной Крупновой убедили меня, что руководителю такого ведомства нужно занимать должность не ниже заместителя министра, иначе мне самостоятельно не удастся решить ни одной проблемы...

«Второй раз за сегодняшнее утро он упоминает Елену Вениаминовну Крупнову, – подумала я. – Я начинаю подозревать, что Крупнова думала не только об интересах дела, когда вместе с Чугунком уговаривала Григория Абрамовича переходить в Москву, но и о своих личных – тоже... Погасший костер уже не вспыхнет, конечно, но угли в нем тлеют, судя по всему, долго...»

– Я все же не понимаю, Григорий Абрамович... – сказала я.

Он кивнул головой:

– Сейчас поймешь. Есть у спасателей и такой закон в неписаном кодексе – «Не считай себя вечным». Впрочем, ты, может быть, такой фразы и не слышала, это поговорка командиров. Кроме того, уставы спецслужб, к числу которых, как ты понимаешь, относится и контрразведка, предусматривают в группе обязательное наличие дублера командира, к которому переходит руководство группой при гибели последнего. Я свое мнение высказал, Чугунков со мной согласился, а остальные не вмешивались, они тебя лично не знают. Короче, дублером должна стать ты, Оля. Ты, собственно говоря, им уже стала. Приказ об этом вчера подписан. Да и в дублерах ходить тебе недолго придется. Поэтому и пригласил тебя сегодня на встречу по холодку. Сегодня с самого утра мы на задание отправимся за пределы Тарасова, там уже не поговоришь спокойно...

Я молчала, растерявшись от столь неожиданного поворота событий. Приглашал меня Чугунков после Булгакова к себе в Москву, но я отказалась, не захотела от своих уходить. Так он всех теперь к себе забирает. Умеет добиваться своего человек, ничего не скажешь... Но даже не столько это не могла я никак переварить... Григорий Абрамович от нас уходит – это раз. Командиром вместо него должна стать я – это два. У меня в голове это не укладывалось – это три! И все это свалилось на меня совершенно неожиданно.

– Но почему я, Григорий Абрамович? – воскликнула я. – Кавээн намного опытнее, умеет приказывать, и вид у него командирский. А я работаю без году неделю в нашей группе...

– Каждый командир имеет право сам предложить кандидата в свои преемники. Я этим правом воспользовался, Чугунков меня поддержал. А почему ты?

Григорий Абрамович очень грустно почему-то посмотрел на меня, поднял руку и сделал то, от чего я пришла в крайнее смущение, – нежно провел своими грубыми пальцами по моей щеке.

– Я чувствую – в тебе есть наш дух. А это главное! Не знаешь – расскажем, не умеешь – научим, но вложить в тебя дух, если его нет у тебя, никто не сумеет... А я верю, что у тебя он есть.

Григорий Абрамович посмотрел на часы и словно проснулся.

– Ого! – сказал он. – До начала рабочего дня всего час остался. Иди, Ольга, позавтракай, день сегодня трудный и долгий будет... А я пойду с Людмилой Трофимовной прощусь. Нам скоро улетать...

Он встал и пошел к выходу из парка, уворачиваясь от уже спешивших на аллеям школьников, которые мчались, не разбирая дороги и не глядя по сторонам. Наверное, опаздывали.

А я осталась сидеть на лавочке, поскольку никак не могла собраться толком с мыслями.

Я – преемница Григория Абрамовича, дублер командира, не пройдет и месяца, сказал Грэг, как я сама стану командиром, а он уйдет руководить новым отделом...

Просто с ума сойти можно!

Глава вторая

Григорий Абрамович оказался прав – утро началось в сумасшедшем темпе. Едва наша группа собралась в управлении, он объявил уже известные мне новости Игорю с Кавээном и сообщил приказ начальника контрразведки МЧС генерала МЧС Константина Чугункова: незамедлительно выехать в район подмосковного села Полоцкое, находящегося в эпицентре лесного пожара, охватившего значительные площади в Московской области. За нами выслан спецборт – самолет министра МЧС «Як-42», который будет в тарасовском аэропорту через пятьдесят минут. Вылет из Тарасова в 10.15. Официально группа работает в прежнем спасательском режиме, фактически выполняет прямое задание руководителя контрразведки МЧС генерала Чугункова, с сутью которого мы должны ознакомиться в процессе следования к месту выполнения задания.

Так вот – лаконично и конкретно. Час на сборы не так уж и много, надо признаться. Пролетел он так быстро, что я даже не успела подумать о Сергее, мысли о котором беспокоили меня последнее время слишком часто, особенно после того, как мы неожиданно столкнулись с ним во время спасения людей из взорванного террористом роддома, и позже, когда помогали попавшей в беду Ларисе Чайкиной. Расстались мы в тот раз так же неожиданно и бестолково, не успев ничего сказать друг другу...

А звонить ему теперь и делать первый шаг навстречу, не зная, сделает ли он ответный шаг... Нет, на это я не могла решиться. Понимаю, насколько все это глупо, насколько проще и легче просто прийти к нему и, уткнувшись в его грудь, горько заплакать от обиды за нашу с ним несложившуюся жизнь, но...

Сделать с собой ничего не могу... Вот и опять – улетаю на задание, так и не поговорив с ним, не позвонив, не сказав ни слова. Как всегда – оставляю свои личные проблемы до лучших времен. Настанут ли они когда-нибудь? Не уверена...

Через полтора часа мы уже были в воздухе и, усевшись в хорошо нам знакомом малом салоне спецсамолета МЧС, слушали инструктаж командира нашей группы ФСГ-1 подполковника МЧС Воротникова, сообщавшего нам, в чем же конкретно состоит задание генерала Константина Ивановича Чугункова.

– В Подмосковье, впрочем, как и у нас в Тарасове, – говорил он, – стоит небывалая для второй половины сентября жара. Летом осадков почти не было, леса высохли и воспламенялись как порох. Речь даже не идет о поджогах, о неосторожном обращении с огнем в лесных массивах. Леса загораются самопроизвольно, как куча промасленной ветоши в гараже. Пожары охватывают значительную территорию. Пожары настолько сильны, что на борьбу с ними брошены силы не только пожарников, но и спасателей, армии, МЧС, несколько полков гражданской обороны. В зоне пожаров активно работает ФСБ, и вы сейчас поймете, почему. Наша структура – спасатели – занимается в основном эвакуацией. Небольшие населенные пункты просто вывозятся, иногда даже насильно, когда слов убеждения и здравого смысла не хватает... Есть человеческие жертвы...

Григорий Абрамович передохнул и продолжал с прежней энергией:

– Но все это, если можно так выразиться, прелюдия. Главный смысл нашего задания – вовсе не в эвакуации местных жителей... Согласно распоряжению Кости Чугункова... простите, Константина Ивановича Чугункова, которое он отдал мне устно, мы должны найти и обезвредить агента ФСБ, активно работающего в наших структурах. Спасатель, работающий на ФСБ, уже, сами понимаете, не спасатель... И в отношении его с нашей стороны возможно только одно действие – найти и обезвредить.

Глядя на наши вытянувшиеся физиономии, командир не мог не улыбнуться.

– А что вас смущает? Если у спасателей задача состоит в том, чтобы спасти, то у контрразведчиков чаще всего – «найти и обезвредить»... Аналитики Главного управления контрразведки доложили: в среднем звене руководства МЧС работает агент Федеральной службы безопасности. Судя по уровню информации, утечка которой обнаружена, он может быть, например, командиром одной из региональных федеральных спасательских групп. Под подозрением сейчас командиры четырех региональных групп. На тушение пожаров в Подмосковье вызваны группы из двадцати шести регионов. Задача нашей группы – обнаружить агента. Работать будем в условиях противоборства с ФСБ...

Григорий Абрамович окинул нас взглядом, словно полководец, готовый бросить свои дивизии в бой с противником. Увидев, очевидно, нашу готовность в этот бой броситься, он улыбнулся.

– Ну, ФСБ так ФСБ, судя по вашему настрою. Нам не привыкать, насколько я понимаю... Манеры фээсбэшников, вы, без сомнения, помните – в Булгакове был ранен Игорь, во время последнего нашего с ними контакта, при поимке террориста, чуть не погибла Ольга. ФСБ необходим повод для активного вмешательства в работу системы МЧС в Подмосковье. Недалеко от Полоцкого, куда мы должны сейчас прибыть, находится спецлагерь системы ИТУ. Лагерь небольшой, старый, еще со сталинским стажем. У наших аналитиков есть опасения, что ФСБ попытается организовать массовый побег из этого спецлагеря. Заключение еще не эвакуированы, охрана соответственно – тоже. Фронт пожара движется в сторону лагеря и села Полоцкого, которое находится чуть дальше от огня. Побег, если он удастся, – а он удастся, я в этом несколько не сомневаюсь, – потребует срочного вмешательства службы безопасности. Нет ничего проще ловить беглецов, которых ты же и спровоцировал на побег. Блеснув эффективностью своей работы, ФСБ всех их тут же переловит. Официально у МЧС вмешиваться нет оснований, но если побег все же произойдет, уже можно действовать активно и энергично – в рамках предотвращения возможных ЧП, источником которых станут бежавшие из лагеря...

Григорий Абрамович сделал паузу и, поскольку вопросов не последовало, перешел к выводам и конкретным заданиям для каждого из нас.

– Вот и отлично! Люблю, когда вы сами все понимаете и не задаете лишних вопросов. Сразу по прилете включаемся в эвакуацию Полоцкого. Работа не столько опасная, сколько сложная: люди не хотят уходить с места, где прожили всю жизнь, и оставлять свой дом огню. Ни в коем случае не применять силу, это в первую очередь тебя, Александр Васильевич, касается... Только уговоры, только – словами... Можете материться и орать сколько угодно, но чтобы без рук! Глазом моргнуть не успеете, как первая же ваша драка окажется снятой на пленку и потом будет доказательством при обсуждении наших с вами методов работы. Эвакуация – дело для вас знакомое, много объяснять не буду. Главное – вывезти людей. Имущество разрешайте брать только то, что в руках уместится. Никаких узлов и ящиков. Времени в обрез. Фронт огня идет прямо на село, и через несколько часов Полоцкое будет уже гореть.

В эвакуации каждый из нас действительно хоть раз, но участвовал, и кое-какой опыт по этой части был у каждого. Для спасателей крайне неприятное это дело – эвакуация... Это только в телевизионной хронике спасатели, эвакуирующие людей из района бедствия, выглядят эдакими героями. И люди, которых они сопровождают, так благодарно на них смотрят. Представьте себе, как эти же люди полчаса назад материли этих же спасателей и лезли с ними в драку, когда они пытались оторвать руки пенсионерки от какой-нибудь швейной машинки или прятки, которая дорога ей как напоминание о молодости...

Напоминание Грэга об этике поведения при контакте с терпящими бедствие было отнюдь не лишним. Ох, как хочется каждый раз от аргументов логических, словесных, перейти к более весомым. Может ли Григорий Абрамович быть уверен, что мы помним тот закон из неписаного, но свято уважаемого нами Кодекса первых спасателей: «У каждого есть право на смерть»?..

Я, помню, очень удивилась, когда впервые узнала о том, что устав спасательской службы запрещает применение физической силы к лицам, собирающимся совершить самоубийство. Их можно уговаривать, отвлекать их внимание, убеждать, просить и все, что угодно, в том же роде, но хватать и вязать полотенцами категорически запрещено уставом. Впрочем, каждый спасатель имеет возможность в этом случае забыть о том, что он спасатель, забыть о всех на свете уставах и руководствоваться только указаниями своей души: подсказывает она тебе, что ты должна просто и грубо оттащить самоубийцу от края крыши, например, бери и тащи... Но потом получишь взыскание за нарушение устава.

Тем временем Григорий Абрамович расставлял свои «полки» на «поле боя».

– Каждый из вас возьмет под наблюдение одного из командиров групп, попавших под подозрение. Получается на каждого по одной группе, включая, конечно, и меня. Оля возьмет ростовцев. У нее есть среди них знакомые, и ее появление там будет вполне оправдано. Игорь присмотрит за волгоградцами, Александр Васильевич – за новосибирцами. За собой я оставлю москвичей. Старайтесь держаться поближе к своим группам, следите за их контактами. Один из них должен рваться к лагерю, его-то и нужно засечь. В лагерь его не пускать ни в коем случае. Если он не будет подчиняться или решит от вас попросту убежать, разрешаю применить оружие на поражение. Кстати, оружие будете носить теперь ежедневно, а не только на спецоперации. Теперь вам всем по «табелю» положено.

Григорий Абрамович вздохнул и поднял обе ладони в знак того, что сказал все, что считал нужным, инструктаж закончен.

– Каждый продумывает действия самостоятельно, – сказал он. – Решения принимает сам, времени на получение от меня разрешения сделать очередной шаг у вас не будет... Шагайте самостоятельно, если вообще хотите научиться ходить. Теперь все отдыхайте, пока садиться будем, на земле сразу суета начнется. Мне тоже еще много о чем подумать нужно.

Он отвернулся к иллюминатору. Рассмотреть там ничего невозможно, поскольку летели мы очень высоко, а на небе сегодня были легкие облачка. Легкими они кажутся, если смотреть на них с земли. А когда летишь чуть выше – это нагромождение белых гор и ущелий. Пейзаж, конечно, интересный, но только для новичков, потом привыкаешь и просто перестаешь обращать внимание. Даже раздражает порой эта нереальность, иллюзорность громоздящихся за стеклом и изменяющихся на глазах белых облачных гор, которых на самом деле не существует.

Может быть, причиной тому ранний звонок Григория Абрамовича, который разбудил меня ни свет ни заря, может быть, нервное напряжение из-за новостей, которые он мне сообщил, но я, минут пять посмотрев на проплывающие под нами горы облачной ваты, попросту задремала и проснулась, когда самолет уже начал снижаться и вынырнул из-за нижней кромки облаков.

– Едрена-матрена! – сквозь сон донесся до меня возглас Кавээна, и я поняла, что увидел он что-то достойное этого возгласа.

Я с трудом открыла глаза и взглянула в иллюминатор. Мы летели низко, и поначалу просто трудно было понять, что там под нами...

Горизонт застилала сплошная стена тумана, за которой ничего нельзя было рассмотреть. Мы летели тоже в тумане, но гораздо более редком. С трудом, но можно было различить кое-что там внизу, на земле... Я видела огромные черные пятна, но не узнавала даже характер ландшафта. Что это? Поле? Луг? Лес?..

Ну, конечно же – лес! Если быть точной – гарь, образовавшаяся на месте леса... На мгновение показывалась, например, отдельно стоящая дымящаяся сосна и тут же пропадала из поля зрения... Изредка встречались островки зелени, по краям окаймленные поблескивающим сквозь дым пламенем... какая-то извилистая лента, чуть более светлая по окраске, тянулась сквозь черное пространство на земле, делая плавные повороты то в одну, то в другую сторону.

Я не сразу догадалась, что это лесная река, по берегам которой сгорели только верхушки деревьев, а нижняя часть кроны, расположенная близко к воде, осталась зеленой, только сильно подсохла, словно глубокой осенью.

Несколько черных прямоугольников, беспорядочно разбросанных на берегу этой обгоревшей лесной реки, не могли быть не чем иным, как небольшой деревушкой, выгоревшей дотла, сквозь дым можно было различить поблескивающий огонь на догорающих бревнах.

Под нами был мертвый лес. Лет пятнадцать-двадцать понадобится, чтобы на выгоревших лесных массивах вновь появилась молодая зеленая поросль. Люди, возможно, вернутся сюда и раньше, но они уже не узнают свои родные места – огонь сжег все, что только могло гореть, и жизнь уйдет отсюда на долгие годы... Птицы и звери неохотно возвращаются в сгоревший лес, пока он не начнет с годами зализывать свои раны, нанесенные ему огнем.

А люди... У многих из них просто нет иного выхода, как возвращаться на пепелище, восстанавливать жилье и наблюдать, как год от года подрастает заново все то, что сгорело за день.

Чем ближе мы подлетали к стене дыма над фронтом пожара, тем сильнее становился в салоне самолета запах гари. Я уже начала различать в дыму стену огня, который стлался извилистой линией по верхней кромке леса, а затем увидела, что фронт представляет собой полосу огня шириной метров в пятьдесят, а за ним отдельными факелами пылают высокие сосны и какие-то лиственные деревья. Сосны можно было отличить от остальных деревьев, поскольку крона у них специфическая, расположена вся сверху, лиственные же породы горят все одинаково, и, сколько ни старайся, не отличишь березу, например, от дуба или осины, дым и огонь скрывают детали. Просто понимаешь по форме факела, что горит высокое лиственное дерево.

Поднявшись повыше, самолет пересек линию пожара, и мы сразу оказались в чистом воздухе. Очевидно, навстречу распространению пожара дул легкий ветерок и сносил весь дым туда, на выгоревшую сторону. Временами направление ветра менялось, и я успела увидеть, как огромный клубок дыма оторвался от дымовой стены, из которой вынырнул наш самолет, и устремился к земле, накрыл копошащиеся в непосредственной близости от фронта пожара фигурки людей среди поваленных деревьев.

Самолет пролетел над ними, и стала ясна цель их усилий. Поперек направления движения пожара пролегла широкая просека, которую вспахивала мощная землеройная техника. Даже с самолета вспаханная полоса казалась широкой, на земле она выглядела, наверное, еще более внушительной. Но с высоты было отлично видно, что усилия лесных пожарных не увенчаются успехом. Они явно не успевали преградить путь огню...

Значительно правее, если смотреть по направлению нашего движения, огонь вырвался далеко вперед и находился фактически уже за спиной пожарных. Через вспаханную полосу ему, конечно, не перебраться, но пламя обойдет просеку с правой стороны и заставит пожарных в очередной раз отступить перед огнем.

Самолет повернул немного левее, и фронт пламени ушел из моего иллюминатора. Я сидела справа по борту, и теперь в поле моей видимости возник слегка задымленный, но все же отчетливо различимый городок на горизонте. Я хорошо разглядела церковь и какую-то высокую кирпичную трубу, из которой шел густой белый дым, постепенно сливающийся с дымом лесного пожара.

– Сухая Елань, – раздался рядом голос Игорька, – я на карте посмотрел.

Игорь кивнул на стол посреди салона, на котором, как и всегда, была разостлана большая карта этой местности.

– Огонь в эту сторону идет, хотя и правее немного заходит...

Игорь любит пояснять то, что и так уже ясно, хотя в целом он отличный аналитик и по способностям, и по личному пристрастию к дедукции. Вот и сейчас он сообщал мне то,

что видно было невооруженным глазом. Но я не стала к этому цепляться: зачем создавать ненужную напряженность между нами перед началом работы? Он отличный партнер на любом задании. Так же, впрочем, как дядя Саша Маслюков, наш Кавээн.

– А где же это самое Полоцкое, куда мы летим? – спросила я Игорька, раз уж он успел изучить карту, пусть поработает немного экскурсоводом, тем более что эта роль ему всегда нравится.

– Полоцкое левее, – ответил Игорь и показал жестом на иллюминаторы по левому борту, в которые уже уткнулись Кавээн и Григорий Абрамович.

– Похоже, времени у нас в запасе совсем мало осталось, – добавил он обеспокоенно и тут же погрузился в одному ему понятные вычисления, бормоча при этом: – Если скорость ветра четыре метра в секунду, а в безветренную погоду огонь в смешанном лесу средней густоты распространяется со средней скоростью...

Я взглянула в его иллюминатор и поняла, чем вызвана его обеспокоенность. С борта самолета трудно точно оценить расстояние, но фронт пожара был уже, можно сказать, в непосредственной близости от полусотни деревенских домиков, окруженных какими-то небольшими строениями, садами и линиями дорог. Мне показалось даже, что я вижу движение огня. Я знала, что это только кажется. При встречном ветре огонь распространяется не со шквальной быстротой, как при попутном урагане, а всего на несколько десятков метров в час, но шевельнувшаяся в сердце тревога уже прочно им овладела и не уходила... Полоцкое было обречено, и единственное, что мы могли сделать, – это помочь его жителям выбраться из зоны пожара.

– Лагерь! – объявил Григорий Абрамович во всеуслышание, и мы поняли, что он обращается ко всем нам сразу. – Ох, черти тебя раздери! Он же вот-вот сгорит, что же эти придурки не начинают эвакуацию?!. Погорят же все – и зеки, и вертухаи!

Мы прилипли к иллюминаторам. Лагерь, четко выделяющийся правильным квадратом очищенного от леса пространства, оказался еще чуть левее Полоцкого, но гораздо ближе к полосе огня, чем деревня, рядом с которой мы должны были приземлиться. Как ни странно, мне показалось, что огонь в этой стороне слабее.

Или это было только неизвестно откуда взявшееся впечатление? Но как бы там ни было, от стены огня до ровных, аккуратных прямоугольничков лагерных бараков оставалось не более двух километров... Я видела, как по территории между бараками бегали маленькие людские фигурки, в которых нетрудно было угадать заключенных, и исчезали в лесу. Они пересекали лагерьный периметр с той стороны, которая была ближе к огню.

«Что это? – подумала я. – Побег, о котором говорил Григорий Абрамович?»

Но тут же сообразила, что никакой это не побег – мы пролетели над самым лагерем, и я увидела, что люди внизу валят деревья в непосредственной близости от лагерного периметра, отмеченного по углам вышками охраны, а два трактора отволакивают сваленные деревья куда-то в сторону. Могла ли принести какой-нибудь результат эта работа, мне было трудно сказать, слишком быстро все это промелькнуло перед моими глазами и сменилось колышущимися верхушками зеленых, еще не тронутых огнем сосен и густыми дубовыми шевелюрами.

Лес под нами доживал свои последние часы и не в силах был помешать той трагедии, которая должна была произойти здесь через несколько часов. Помешать ей или хотя бы как-то смягчить ее последствия могли только люди. Те, которые собрались сейчас на пути у огня. В их числе и мы, спасатели...

Самолет начал резко снижаться над лесом, кроны деревьев поплыли навстречу, замелькали перед глазами со все увеличивающейся скоростью и слились наконец в одно зеленое полотно.

Мы совершали посадку.

Глава третья

Нет, садились мы, конечно, не в лесу. В самый последний момент внизу замелькал асфальт.

«Шоссе! – сообразила я. – А я-то думала, что придется прыгать с парашютом...»

Никаких парашютов не понадобилось. Для нашего самолета шоссе очистили от машин, и мы благополучно приземлились километрах в пяти от села Полоцкое, куда обязал нас быть приказ генерала Чугункова. Эти пять километров мы проделали на обычном разбитом «газике» директора подмосковного совхоза, в состав которого входило и село Полоцкое. Больше ни одной машины в распоряжении диспетчера объединенного штаба пожарно-спасательских работ не нашлось – все были заняты на переднем крае. Да-да, именно так, по-военному, именуется фронт огня на пожарных работах в лесных массивах – передний край... На лесных пожарах, кстати, очень высокая смертность среди спасателей по сравнению с другими видами чрезвычайных происшествий...

– Жителей в селе много осталось? – спросил Игорек рыжего парня лет семнадцати в изодранных джинсах и замасленной фирменной рубашке.

Парень сидел за рулем «газика», как в седле норовистой лошади, и не обращал никакого внимания на выбоины и ямы на разбитой колесами мощных машин лесной дороге. Машина подпрыгивала на ухабах так, что мы врезались головами в брезент, которым был затянут верх машины, и рисковали вообще свернуть себе шеи...

– А че осталось-то? – ответил парень. – Не уезжал никто...

– Почему? – пожал плечами искренне удивленный Григорий Абрамович. – Через несколько часов деревня ваша сгорит...

– Это мы еще посмотрим, как она сгорит, – уверенно возразил парень. – Огонь-то вроде к северу повернул. А здесь погасили, говорят... Так че ехать? Да и куда? В Сухую-то Елань? А хрен ли там делать-то? Здесь – дом, скотина, земля... А там че? У чужого дяди Христа ради? Да на хер оно сдалось!

– Какая ж у тебя-то скотина? – заспорил очень далекий от сельской жизни горожанин до мозга костей Игорек. – Тебе лет-то сколько?..

– Лет-то? – переспросил парень. – Да возраст у меня племенной...

– Это как? – поинтересовался Игорек.

– Да как у стоялого быка! – засмеялся парень, сверкнув белыми зубами на смуглом от природы лице, к тому же испачканном сажей...

– Что в селе делается? – спросил Григорий Абрамович. – Народ что говорит?

– Известно, что делается, – хмыкнул парень. – Бабы орут, барахло собирают, мужики в лес пошли – пожарным пособлять, пацанва шныряет везде, где бы что украсть, девки – тоже в лес, поближе к пожарным, девки у нас скупые, охочие...

– Какие-какие? – переспросил Игорек, которого, видно, забавлял разговор с парнем, как с какой-то экзотической диковинкой.

– Любят, когда их скупают. Охота им, страсть как! – с уверенностью пояснил парень. – Бабе первое дело, чтоб ее помяли...

Меня раздражал не столько парень, сколько Игорек, который возбудился до неприличия, почувствовав в парне что-то родственное своему юношески неуголенному интересу к женщинам.

«И этот похотливый козел еще смел приставать ко мне когда-то со своим вниманием, – возмущенно подумала я. – Впрочем, что это я так разволновалась сама-то? Игорек у нас ходок известный. Бросается на каждую, вернее под каждую юбку...

– Тебя как зовут? – серьезно спросил парня Григорий Абрамович, которого, как я давно уже знала, тоже всегда раздражал такой вот юношеский сексуальный треп, особенно если в нем участвовал Игорь.

– Петром Михайловичем зовут, – солидно объявил парень.

– Ты, Петр Михалыч, скажи мне, жертв у вас в деревне не было? – спросил его Грэг специально, чтобы сбить на другую тему.

– У нас – не-е... – тут же ответил парень. – Нас Бог миловал. А вот в Красавке больница погорела, а старух вывести оттуда не успели... Там старухи у нас жили, ну, которые одни остались, а делать ничего не могут сами. Так их в больницу свезли... Жили на всем готовом во флигельке больничном. Старух тридцать, однако, там было, надо думать... Со всех же деревень окрестных свозили. Ждали тоже до последнего. Думали, авось пронесет стороной... Да и машин ни одной не было, все в лес услали, на пожар... Уж когда запылали деревья в палисаднике больничном, главврач покидал больных в подводы и ну лошадей нахлестывать... Отъехали от Красавки верст пять, он и спохватился. Старух-то во флигельке забыли! А флигелек ветхий был, деревянный... Он, поди, как порох вспыхнет! Погорят старухи-то! Наверяд кто из них сообразит, что беречься надо от огня... Они ж там из ума уже повыживали, имена свои позабыли... Схватился главврач, и обратно. А там уже горячо, лошади близко не идут к огню. Так главврач – Василь Семеныч, – он старух друг за дружку позацеплял руками и велел за ним потихоньку идти. Вывел их гуськом на берег Красавы да прямо в воду завел, где им по колено, да сесть заставил. Пока деревья на берегу горели да больница полыхала, он их водой сбрызгивал... В суматохе-то одна старуха и захлебнулась. Когда прогорело, он их на берег вывел, пересчитал – двадцать девять! Батюшки светы! Наверное, решил Василь Семеныч, во флигельке одна старушенция осталась, не уследил. Пошел искать. Ничего, знамо дело, не нашел. А она через час сама всплыла на речке-то...

Мрачная история, рассказанная этим рыжим Петром Михайловичем, подействовала на всех угнетающе, даже на него самого. Все притихли и молча поглядывали по сторонам, рассматривая молодые стройные елочки, которым предстояло через некоторое время превратиться в обгорелые столбики, а то и просто в пепел...

«Газик» лихо выскочил из леса, трясая нас по ухабистой дороге, и мы увидели, что навстречу нам движется стадо коров. Его подгоняли трое пареньков-подростков на лошадях без седел.

– Куда гоните? – высунувшись из окошка, крикнул парень одному из пастухов.

– В Сухую Елань, – крикнул тот в ответ, и наш водитель нажал на газ. «Газик» взревел мотором, коровы шарахнулись в стороны, и мы, вырвавшись из стада, помчались дальше, навстречу деревне, за которой уже видна была полоса дыма, поднимавшегося над горизонтом...

– Это теперь на мясокомбинат все стадо загонят! – заявил нам парень с досадой. – За гроши сдадут! Такая кругом херня творится!

Видно было, что он расстроен не на шутку. Я взглянула на Игорька. На лице у того я, кажется, уловила недоумение. Если стадо сохранять негде, судя по всему, рассуждал Игорек, значит, самое рациональное решение – сдать его на мясокомбинат. Почему расстроен парень, Игорю было невдомек...

Я этого рыженького паренька очень хорошо понимала. Ему не нравились рациональные решения. Умом он, может быть, и понимал, что другого выхода просто нет, но это его не устраивало. Он жил на этой земле и чувствовал себя ее хозяином, пусть бесправным и беспомощным, но хозяином. А Игорек был гостем на этой земле и ни за что не отвечал... Впрочем, он и в Тарасове, в своей собственной квартире, чувствовал себя гостем, и пока что ни за что и ни за кого не нес ответственности...

А между тем был почти вдвое старше этого самого Петра Михайловича с едва-едва пробившимися усиками над верхней губой.

«Газик» въехал через плотину между двумя водоемами на деревенскую улицу. У каждого из домов суетились люди...

Заняты они были самым обычным делом в сложившейся ситуации. Они пытались спасти свое добро, нажитое долгими годами нелегкого деревенского труда. У одного из домов стояла старенькая полуторка, уже доверху набитая какими-то шкафами, сундуками, стульями. Из кучи домашнего скарба в разные стороны торчали черенки лопат, вил и граблей. А на стуле, установленном поверх этого добра, сидела молодая девка и держала в руках телевизор. Мотор полуторки работал с оглушительным треском, кашляя и чихая, и мне не слышно было, что кричит девке толстая женщина со скатанным в трубку ковром в руках, судя по всему – ее мать.

У следующего дома не было ни машины, ни даже телеги. Две женщины средних лет вытаскивали из дома все, что попадало им под руку, и складывали прямо на земле на улице, у забора... Смысла в их действиях не было никакого, но я понимала, что сидеть без дела и ждать, когда все сгорит у них на глазах, было выше их сил...

– Ты нас в штаб давай вези, Петр Михалыч, – сказал Григорий Абрамович. – Туда, где ваше начальство сейчас заседает...

– Это в клуб, значит, – отозвался парень. – Да мы туда и едем.

Суета с домашними пожитками происходила у всех домов, мимо которых мы проезжали. Вот об этом я и подумала прежде всего, когда Грэг сообщил нам, что заниматься мы будем эвакуацией. Транспорт, чтобы вывезти все имущество, жителей села никто не обеспечит, это ясно как божий день... Тут работы как минимум на неделю... Значит, придется вывозить людей, как и предупреждал Грэг, только с ручной кладью, никаких сундуков или узлов. А попробуйте оторвать деревенскую хозяйку от ее добра, пусть даже и смерть ей грозить будет! Да они сгорят лучше сами, чем имущество свое бросят...

Я вздохнула. Тяжелая предстоит работка!

Около совхозного клуба, превращенного во временный штаб спасательных работ, суета кипела, как вода в чайнике, который забыли снять с огня... Люди вбегали внутрь и выбегали обратно. Кто и чем здесь занят, разобрать было просто невозможно...

В палисаднике около клуба, заросшего пожелтевшей на жаре травой, сидели и лежали человек двадцать перепачканных сажей мужчин, которые могли быть спасателями, пожарными, солдатами из присланного в район армейского полка и подразделений ГО – кем угодно... Они покуривали, молча и хмуро поглядывая на нас, чистых и свеженьких, когда мы протискивались в дверь сквозь толпу валившего из нее на улицу народа.

Внутри стоял гул голосов, перекрываемый время от времени отдельными матерными выкриками. Из обрывков фраз я поняла, что штаб только что объявил сплошную эвакуацию. Вовремя мы подоспели...

Григорий Абрамович приказал нам дожидаться его возвращения и пропал в толкучке возле дверей, где заседало штабное начальство. Ему, как мы поняли, необходимо было узнать конкретное распределение по объектам интересующих нас групп спасателей.

Пока мы ждали, народу в коридоре заметно поубавилось, так что быстро вернувшемуся Грэгу долго искать нас не пришлось.

– Теперь быстро по местам! – скомандовал он. – Сначала ты, Ольга! Диспетчер сообщил мне, что ростовцы должны начать эвакуацию в южной части улицы на правом берегу. К общему сведению: здесь на каждом берегу по одной улице... Приступить немедленно, пока ростовцы еще здесь, я только что их командира видел. Сесть на хвост и не слезать! Выполняй, Оля!

Я не заставила себя ждать. Если командир ростовцев здесь, найти его нужно немедленно. Во время работы, какой бы она ни была, спокойно, нормально поговорить можно лишь с боль-

шим трудом. А мне непременно хотелось поговорить с ростовским командиром, чтобы почувствовать – нервничает он или нет...

Его настрой необходимо оценить серьезно. Метод психологического резонанса я изучила давно, и пользоваться им мне приходится практически постоянно. Мгновенных ответов на все вопросы он, конечно, не дает, но во многом ситуация сразу же проясняется. А уж уловить стремление этого человека в сторону спецлагеря, если, конечно, такое стремление есть, – задача для меня не столь уж и трудная. Нужно только быть внимательной.

– Ты, собственно, кто такая? – приветствовал меня ростовский командир, двухметрового роста майор МЧС. – Из группы поддержки, что ли? Тогда вали отсюда, не до тебя сейчас! Подходи часов через пять-шесть: закончим здесь, разрешу своим орлам слегка разговеться... А сейчас некогда!

Я была настолько ошарашена таким приемом, что вспыхнула до корней волос:

– Майор! Вы разговариваете с капитаном МЧС, а не с уличной девкой!

– Ладно! – оборвал меня майор. – Чего разоралась-то? Цирк мне тут давай не устраивай! Ясно сказал же – вали пока! Не до тебя... Хоть генеральские погоны нацепи, не пущу к ребятам!

Я поняла, что стала жертвой какой-то типично ростовской оригинальной традиции, и протянула ему свое служебное удостоверение. Он посмотрел на мои документы, хмыкнул и без всякого смущения пояснил:

– А я тебя за волынку принял... Увязались, представь себе, за нами из Ростова девки, так, чтобы их не гоняли отовсюду, раздобыли себе спецкомбинезоны, дырок в погонах навертели... Я их группой поддержки зову. А ты – по всем параметрам – во! – Он эффектно щелкнул пальцами.

– Сомнительный комплимент, – усмехнулась я. – Как видите, женщины могут не только «поддерживать» мужчин, но и работать вместе с ними.

Мы разговаривали на ходу, направляясь пешком через плотину на другую сторону пруда, где, вероятно, ростовцам и предстояло начинать эвакуацию. Двухметровый командир поглядывал теперь на меня с явным интересом, но, может быть, за интересом скрывалось и сомнение. Кругом, конечно, бардак, но должен же он знать, кто это столь неожиданно свалился ему на голову.

– А почему, собственно, к нам-то? – осторожно спросил он меня наконец. – Ваш тарасовский отряд разве не работает здесь?

– Нас четверо всего, – пояснила я. – Диспетчер распределил нас по крупным группам, чтобы опыта набирались. У нас ни у кого опыта в эвакуации нет, не привелось как-то...

Я часто замечала, что элементарная и очень примитивная лесть действует очень эффективно, располагает человека в твою пользу, даже если он относится к тебе настороженно. Особенно человека самоуверенного, каким мне показался ростовский командир.

Командир почесал затылок:

– Тогда тут какая-то неувязка. Эвакуацию наши «граждане» проводить будут – взвод ГО из Ростова... А у нас совсем другой объект... И категория, с которой работать придется, – посложнее...

Я сразу же насторожилась, но изобразила на лице растерянность.

– Ничего не понимаю... Меня диспетчер направил к вам...

– Ну, раз направил, с нами и будешь работать, – решил вопрос ростовчанин. Идея о передаче опыта ростовцами тарасовскому отряду ему, видно, чрезвычайно импонировала. – Обещаю, что не соскучишься. А то и твоя помощь может понадобиться, ты ж экстремальный психолог по специальности, если я разглядел в удостоверении?

Я кивнула.

– Ты с заключенными работала когда-нибудь? – спросил он.

Не дожидаясь моего ответа, он ответил сам себе так, как ему больше нравилось:

– Впрочем, вряд ли. Сама ж сказала – новичок, первый раз на задании...

«Не припомню, чтобы я такое говорила», – подумала я, но промолчала.

– А мне приходилось, – продолжал майор. – Опыт есть кое-какой...

Роль опытного спасателя-учителя ему явно нравилась. Мне оставалось только слегка подыгрывать, что было очень несложно.

– Еле уломал диспетчера, чтобы он нашу группу на эвакуацию лагеря направил... До смерти не люблю старух уговаривать.

«Так-так, значит, он уговаривал диспетчера, чтобы его группу направили в лагерь, – тут же отметила я про себя. – Значит, в лагерь рвался? Он вполне подходит для роли подозреваемого...»

Ростовский майор досадливо сплюнул:

– Как вцепится такая ведьма в какое-нибудь свое корыто, так у нее его только с руками оторвать можно... А то и вовсе – приворотный столб обхватит и орет: «Сгорю, мол, вместе с домом, а отсюда не уйду!» Не работа, а нервотрепка сплошная...

– И много отрядов на лагерь послали? – поинтересовалась я осторожно.

– Да семь или восемь, я не понял толком. Мне-то какая разница! Главное – от старух избавились. Такой народ вредный...

Мы шли уже по лесной дороге в сторону лагеря, шагая с командиром во главе отряда человек в тридцать. Дорогу постоянно приходилось уступать машинам, которые сновали как в направлении горящего леса, так и обратно. Оттуда везли какие-то ящики, станки, оборудование, мотавшееся по кузовам машин и разбивавшее их борта. В сторону пожара ехали в основном водовозки. Одна машина провезла в кузове мимо нас плуг, прошли три машины с песком. Чем ближе подходили мы к очагу пожара, тем больше вокруг становилось беспорядочной суеты, которая в сводках штаба спасательных работ называется оперативными мероприятиями...

Я увидела нескольких рабочих с бензопилами. Они валили деревья, расчищая просеку, идущую несколько наискосок по отношению к дороге, по которой мы шагали... Их работа была откровенно бессмысленна, поскольку пробить просеку насквозь они не успевали и огонь обойдет их справа. Но ребята продолжали упорно работать, выполняя приказ какого-то придурка в погонах, командира, который попросту забыл о том, что послал отделение пожарников пробивать эту просеку. И будут ребята валить и валить деревья и лишь в самый последний момент, рискуя жизнью, побегут назад по своей просеке, чтобы обогнать обошедший их огонь и выбраться на безопасную территорию. Над ними висел приказ командира, не выполнить который они не могли, хотя и выполнить не представлялось возможным, потому что приказ был идиотский.

Мне сразу же вспомнилось еще одно положение неписаного Кодекса первых спасателей: «Умей отдавать честь старшему по званию и приказы самому себе»... Я уверена, что ни один из спасателей не стал бы выполнять бесполезную работу, как сейчас эти пожарники... Спасатель вообще не берется за выполнение приказа, если не понимает его необходимость и целесообразность. МЧС – это не армия. У нас идиоты среди командиров встречаются крайне редко. Хотя и встречаются иногда.

Лесная дорога вывела нас на расчищенное от деревьев пространство и уперлась в забор из колючей проволоки. Ворота, сбитые из бревен и затянутые все той же колючкой, были закрыты. За воротами виднелся еще один ряд колючки, затем – метров десять ровного, утоптанного пространства, по которому были расставлены, словно на парад, охранники с автоматами, а за их спинами – еще один забор из колючки. Перед воротами собралась небольшая кучка людей. По форме я узнала милиционеров, пожарника и спасателей. Еще пятеро были в форме, незнакомой мне – черной, напоминающей спецназовскую, но не в ботинках, а в обычных кирзовых сапогах. Они были с автоматами и явно преграждали остальным путь в лагерь, за колючку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.